

Орешкина М. В.

КАТЕГОРИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ)*

В освоении заимствованных слов в языке-реципиенте очень важную роль играет такая единица словообразования как словообразовательное гнездо, которое является не только показателем степени освоенности слова в принимающем языке, но и «дает прописку» слову в системе языка. Со словообразовательного гнезда начинается, на наш взгляд, полнокровная жизнь заимствованного слова в чужом языке.

В работе на материале тюркских заимствований в русском языке рассматриваются словообразовательные категории заимствованных слов, выступающих в качестве немотивированной вершины словообразовательного гнезда, например категории существительных со значением «имя деятеля» (исходное тюркское слово *рубоб* «музыкальный инструмент» – производные *рубобищик, рубобист, рубобчи* «музыкант, играющий на рубобе»).

В русле проводимого исследования «так называемых комплексных единиц словообразования – словообразовательных гнезд, парадигм, цепочек» [20] – мы пытаемся изучить следующие вопросы: какие из заимствованных тюркских слов входят в словообразовательное гнездо (то есть образуют центр подсистемы заимствованных тюркских слов); какова семантика этих слов; какие при этом в цепочках гнезда возникают словообразовательные лакуны, связанные тесным образом с лексическими лакунами (см.: [23]); чем отличается структура заимствованного гнезда от исконного (ср. гнезда с заглавными словами: тюркское *аул* – русское *деревня*); какие словообразовательные категории преобладают в гнезде заимствованных тюркских слов и какие семантические категории характерны для тюркизмов; как соотносятся в гнезде заимствованные тюркские слова и новообразования от тюркизмов на русской почве.

Занимаясь проблемой словообразовательного освоения заимствованных слов в русском языке, в частности тюркизмов, мы пришли к выводу, что показателем словообразовательного освоения заимствованных слов в принимающем языке является словообразовательное гнездо. Однако «связи слов, входящих в гнездо, – как пишет об этом И. С. Улуханов, – обычно изучались недостаточно и односторонне; устанавливалась связь с одним («ближайшим») словом гнезда и оставлялись без внимания другие связи» [20]. А. Н. Тихонов и А. С. Пардаев также указывают на то, что «недостаточно описаны словообразовательные гнезда и все их структурные элементы» [18]. Изучением гнезд или близких к ним проблем в разное время занимались Н. А. Янко-Триницкая, Г.О. Винокур, Н. Д. Арутюнова, Н. М. Шанский, П. А. Соболева, Е. Л. Гинзбург, Е. А. Земская, И. С. Улуханов, Jadviga Puzynina (Варшава), M. Dokulil (Прага), Anna Zuch (Сосновец) и др. В настоящее время ведется или завершается работа над гнездовыми или толково-гнездовыми словарями русского языка. В 2005 году в Москве издан Толково-гнездовой словарь И.А. Ширшова. Несмотря на появление ряда работ, в которых рассматривались гнезда в целом или изучались их отдельные свойства, многосторонние и разнообразие связи слов в гнезде все еще остаются не достаточным образом описанными и расклассифицированными.

Лексикографами разных стран проводится работа по описанию заимствованной тюркской лексики в славянских языках. В 80-90-е годы 20 в. были выпущены специальные словари: Словарь тюркизмов в русском языке [22], Словарь турцизмов в сербскохорватском языке [15] и др. В недавнее время появился Словарь турцизмов в болгарском языке. При написании таких словарей остается много неясных вопросов словообразовательного характера, в силу чего заимствованный лексический материал для подобных словарей нуждается в самой тщательной обработке и анализе со стороны словообразовательного освоения.

При традиционном понимании словообразовательного гнезда как «совокупности слов с тождественным корнем, упорядоченной в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации» [13], и вершины (исходного слова) гнезда как слова немотивированного, естественным образом встает вопрос, считать ли все остальные производные слова, входящие в гнездо, но образованные уже на русской почве и в большинстве своем с помощью русских аффиксов, – считать ли эти слова исконными, то есть русскими, или относить их, как и исходное слово, к заимствованной лексике. Известно мнение Н. М. Шанского, высказанное им в ряде работ по современному русскому языку, о том, что слова, «возникшие на базе иноязычных уже в русском языке» [21], являются исконно русскими словами. Этот вопрос остается до конца не решенным, однако связь этих русских дериватов со своими заимствованными производящими словами-основами столь сильна, что мы условно считаем все производные слова гнезда во главе с исходным заимствованным словом также заимствованными словами.

Как мы уже отмечали выше, заимствованные слова, формирующие словообразовательные гнезда, а также вошедшие в словообразовательные гнезда, образуют центр системы заимствованных слов русского языка, при этом они, как правило, обладают и другими признаками центра лексической системы, например более высокой частотностью употребления по сравнению с периферийными экзотическими словами. Эти более употребительные заимствованные слова относятся и к более распространенным явлениям «чужой» жизни. Они чаще, чем другие заимствования, встречаются в русских текстах, посвященных описанию картины иной жизни. Итак, их центральность состоит в их частотности и наличии производных. Сравним, например, два заимствованных тюркских слова – *аул* и *борук*.

Слово *аул* «селение на Кавказе и в Средней Азии» является одним из самых употребительных слов-понятий при описании жизни в указанных регионах, однако даже это слово в толковых словарях русского языка представлено лишь одним мотивированным производным словом *аульный* «относящийся к аулу» (см.: [1]). В Словообразовательном словаре А. Н. Тихонова данное гнездо представлено тремя словами: *ау́л* – *ау́ль-н-ый* – *ау́ль-ск-ий* [17]. Однако в русских текстах, посвященных восточной тематике, встречается больше производных образований от исходного слова *аул*. Это зафиксировано в словообразовательном словаре тюркизмов М. Ш. Мусатаевой и Л. Я. Шеляховской [8]. Там представлены такие производные, как *аульчанин, аульчанка, аулсовет*.

Тюркское слово *борук* «женский головной убор», встречающееся в художественных текстах при описании внешности туркменских женщин, относится к одиночным иноязычным словам, то есть словам, не имеющим в современном русском языке ни одного родственного слова и не образующим гнезда. А. Н. Тихонов в Словообразовательном словаре [17] приводит примеры одиночных иноязычных слов западноевропейского

происхождения, также не образующих гнезд: *авеню, айсберг, ампула, бобслей, ботфорт* и др., хотя некоторые из этих слов сейчас уже расширили свою словообразовательную базу (см. [14]: *бобслей* – *бобслейный, бобслеист, бобслеистка*).

Если сравнить гнездо с исходным тюркским словом *аул* с тематически близким гнездом с исходным русским словом *деревня*, то количественное сравнение единиц этих гнезд будет в пользу слова *деревня*: *дерёвн(я) – деревён-к-а; дерев-уик-а; деревн-и'ик-а; деревн-ю'ик-а; деревён-ск(ий) – деревён-щин-а, деревён-щик, по-деревёнск-и; одн-о-деревён-ец*.

Напомним гнездо *аул*: *аул – аульный; аульский; аульчанин – аульчанка; аулсовет*. Потенциально возможны: *аульчик, аулец*.

Итак, наличие производных от заимствованных основ во многом определяет степень лексического освоения заимствованных слов. Наше наблюдение за этими словами показало, что русское словообразование осуществляется только от той части тюркской лексики, которая получила широкое распространение в устной и письменной русской речи жителей тюркоязычных регионов или закрепились в качестве термина в специальной литературе, например термины *дастан* «эпическая поэма» и *саз* «музыкальный инструмент» [12].

Словообразовательными гнездами обрастают далеко не все тюркизмы. По мнению Э. Н. Кушлиной, примерно только третья часть всех заимствований, бытующих в русской речи жителей Средней Азии, имеют производные [7]. Приведем примеры со словами, у которых отмечается наибольшее количество образований: **кишлак** «селение» – кишлачный, кишлачник, кишлачница; **дехканин** «крестьянин» – дехканка, дехканский, дехканство; **кетмень** «мотыга» – кетменщик, кетменщица, кетменный, бескетменный, кетменевать, кетменевание. Наиболее много-численна группа тюркских заимствований, обозначающих культурно-бытовые реалии и понятия.

А. Н. Тихонов, сопоставляя в количественном отношении гнездовые и одиночные слова, считал, что «удельный вес гнездовых слов в 25 раз превосходит удельный вес одиночных слов ... Гнездовая лексика русского языка составляет примерно 96%, а негнездовая – 4%. Причем негнездовая лексика отражает в основном пассивную часть его словарного состава» [18]. Большинство тюркских заимствований, в том числе и по причине словообразовательной неосвоенности, находится на периферии лексической системы русского языка и входит в эти 4%.

Отметим еще раз, что заимствованные тюркские слова могут быть полностью освоены лексической и грамматической системой русского языка, общеупотребительны, иметь широкое распространение (*аллах, алыча, аул, мулла, отара, плов* и др.), а также могут быть освоены лишь частично, слабо или почти не освоены русским языком; последние, как правило, включают территориально ограниченную лексику, например слова регионального распространения (*дастархан, тандыр, той, хурджин*) или локального распространения (казахское – *айналайн, кыз куу*; киргизское – *боорсок, бозорок*; узбекское – *махалля, сунбул*; туркменское – *борук, яшуули* и т.п.).

Подавляющее большинство производных слов от общеупотребительных заимствований, несмотря на то, что они освоены лексически и грамматически (склоняются по падежам, изменяются по числам), остаются экзотизмами и локализмами, не имеют производных и, как правило, не отмечены русскими толковыми словарями, даже в том случае, когда слово – основа зафиксировано в словарях. Пример со словом «кетмень» показывает, что само слово *кетмень* зафиксировано в Словаре С. И. Ожегова [9] и в 4-томном академическом словаре русского языка, но в этих же словарях не приведено ни одного имеющегося производного: нет ни прилагательных *кетменный, бескетменный*, ни существительных *кетменщик, кетменщица, кетменевание*, ни глагола *кетменевать*.

Л. П. Крысин, рассматривая словообразовательные свойства новых иноязычных, в основном англо-американских, заимствований, отмечает, что «отсутствие производных – особенно характерно для несклоняемых существительных и неизменяемых прилагательных, хотя здесь многое зависит от степени употребительности слова» [6]. Так, например, от слова *мантó* производные не образуются, а морфологически и акцентно сходное с ним *пальтó* «обросло» словообразовательными дериватами типа *пальтишко, пальтецо, пальтовый*; слово *кофе* имеет такие производные, как *кофейк, кофейчек, кофейня, кофейник*, а слово того же тематического ряда и также несклоняемое *какао* производных не образует. Л. П. Крысин, делая вывод о словообразовательной активности новых иноязычных заимствований, показывает, что наиболее активны существительные, освоенные грамматически русским языком, склоняющиеся по падежам, изменяющиеся по числам и имеющие родовые показатели. Однако зачастую функциональный фактор оказывается более сильным, чем фактор структурный: при необходимости обозначить нечто с помощью словообразовательных дериватов язык преодолевает структурные ограничения, обусловленные недостаточной адаптацией иноязычных элементов к языковой системе.

Если говорить о том, какие словообразовательные типы, лексико- словообразовательные и семантические категории характерны для словопроизводства дериватов от тюркских заимствований, то здесь прежде всего надо отметить, что это словопроизводство осуществляется, как правило, по определенным продуктивным моделям, сложившимся в русском языке, с опорой на существующие в русском языке способы образования слов и русские словообразовательные средства.

Преобладающую часть дериватов от заимствованных тюркских основ составляют существительные и прилагательные, реже – глаголы, преимущественным способом образования которых является суффиксация: *кетмень – кетменщик, дувал – дувалище, кетмень – кетменный, аксакал – аксакальский, кетмень – кетменевать, калым – калымить*.

Высокой продуктивностью в сфере производства имен существительных от тюркских основ обладает словообразовательная категория со значением «носитель предметного признака» и с более узким значением «название лица по его профессии и роду занятий» (сюда же примыкает и категория женскости). Эту категорию активно формируют словообразовательные типы с формантами:

- щик (-чик)**: *сабантуй – сабантуйщик, алмаз – алмазчик*;
- ист**: *дудук – дудукист*;
- ник**: *лагман – лагманник*.

Оформление заимствованного слова словообразовательными средствами заимствующего языка говорит об адаптации слова в языке-реципиенте. Однако с тюркскими заимствованиями все обстоит не так благополучно, как хотелось бы.

На материале одной семантической категории названия лица по профессии можно проследить характерное для тюркских заимствований на любом языковом уровне явление сильной вариативности, в данном случае словообразовательной вариативности, связанной со способами образования слов от заимствованных основ или с различными колебаниями словообразовательных типов. При этом под *словообразовательными вариантами* мы понимаем слова (два и более), имеющие общую основу (корневую морфему) с одинаковыми лексическими и грамматическими значениями, но с различными синонимическими аффиксами. Словообразовательные варианты разными исследователями именуется по-разному: «однокоренными словами», «однокоренными синонимами», «словообразовательными синонимами», «дублетами», «межъязыковыми вариантами (синонимами, параллелями, соответствиями)» и т.д.

В семантической категории названия лица по профессии, которую мы рассматриваем, фиксируются словообразовательные варианты, входящие в одно словообразовательное гнездо, с колебаниями суффиксов:

-щик (-чик) – **-ист**: *дутарищик* – *дутарист*, *карнайщик* – *карнаист*, *рубобищик* – *рубобист*;

-щик (-чик) – **-ник**: *саманищик* – *саманник*, *лагманищик* – *лагманник*, *алмазчик* – *алмазник*.

К данным вариантным парам, образовавшимся на русской почве, присоединяются в качестве дублетов заимствованные производные слова с тем же значением названия лица по профессии с иноязычными аффиксами, в данном случае суффиксами, которые попали в русский язык в неадаптированном виде и не прошли процесса полукалькирования. Такие слова достаточно часто встречаются в русских письменных текстах:

дутарищик – *дутарист* и *дутарчи*,

рубобищик – *рубобист* и *рубобчи*,

аробищик и *арбакеи*,

домрист и *домрачей*,

зурнист и *зурнач*,

караванищик и *караванбаши*,

суренищик и *сурначей*, *сурначи*,

чайханищик и *чайхоначи*, *чайчи* и др.

Как мы видим, в словообразовательном гнезде сосуществуют два и более словообразовательных варианта, также можно отметить словообразовательные «межъязыковые» варианты. При этом иноязычные суффиксы в силу своей повторяемости в заимствованных словах могут обособляться (в противном случае мы имеем дело с опрощением структуры слова). Например, наглядно выделяется повторяющийся суффикс **-чи**: *дутарчи*, *рубобчи*, *канарчи*, *карнайчи*, *сальчи*, *чайхоначи* и др.

Все эти неадаптированные словообразовательные варианты, на наш взгляд, недолговечны и мало-перспективны для использования в русском языке, так как они препятствуют или замедляют процессы лексического и словообразовательного освоения заимствованных тюркских слов в русском языке, для которого характерна тенденция калькирования этих суффиксов: вместо *рубобчи* употребляется *рубобищик*, *канарчи* – *канарищик* и т. п.

М. Ш. Мусатаева и Л. А. Шеляховская отмечают, что у тюркизмов сравнительно невысока степень мотивации в словообразовательных гнездах: «Словообразовательный потенциал тюркизмов равен 2,6 (сравните общеязыковой – около 10), словообразовательный потенциал словообразовательных гнезд с исходным тюркизмом равен 4,3 (общеязыковой – 10)» [8].

Анализ словообразовательных гнезд в русском языке с вершинным тюркским словом показал, что на базе мотивирующих заимствованных тюркских основ преимущественно создаются простые по своей структуре (одноступенчатые и двуступенчатые) словообразовательные гнезда. Такие гнезда образуют, как правило, освоенные, общеупотребительные тюркские заимствования, такие как **аул / аил** (II ступени словообразовательного гнезда), **арба** (I ступень), **арык** (I ступень), **бай** (II ступени), **бахча** (III ступени), **джигит** (II ступени), **дутар** (II ступени), **кетмень** (II ступени), **плов** (II ступени), **сель** (II ступени), **тут** (III ступени), **халва** (III ступени), **хан** (II ступени), **чабан** (I ступень), **юрта** (I ступень) и др.

Приведем пример одного из самых больших гнезд с исходным тюркизмом **сель** (II ступени) «грязекаменный поток»: **сель** (II) – *селевый*; *селевой* – *противоселевой*, *противоселевый*; *селевик*; *селегрязевой*; *селеопасный* – *селеопасность*; *селеловушка*; *селезащитный* – *селезащита*; *селепровод*; *селесброс*; *селеуловитель*; *селехранилище*.

Но даже словообразовательно освоенные тюркские слова, имеющие хорошую витальную перспективу в русском языке, далеко не все фиксируются в словарях русского языка, что снижает их доступ к потребителю. Слово **сель**, например, вошло в Словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [10] только с производными **селевой** и **селевый**.

Таким образом, на сегодняшний день большой проблемой является лексикографическое освоение тюркских лексических заимствований в полном объеме. Тюркизмы и их производные должны быть шире и полнокровнее представлены в современных словарях русского языка, тем более что в научных исследованиях уже накоплен соответствующий лексический материал в достаточном количестве.

Литература

1. Большой академический словарь русского языка. Т. 1. А – Бишь. – М., СПб., 2004.
2. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.
3. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. 2-е изд. – М., 2005.
4. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. Учеб. пособие. – М., 1973.
5. Краткая русская грамматика. – М., 1989.
6. Крысин Л. П. Структурные и функциональные свойства иноязычных неологизмов // XII Межд. конф. по функц. лингвистике: Функционализм как основа лингв. исследований. Сб. научн. докл. – Симферополь, 2005.
7. Кушлина Э. Н. Русское словопроизводство от среднеазиатских лексических заимствований // Вопросы русского и общего языкознания. Уч. зап. Т. 33. Сер. филологическая. Вып. 18. – Душанбе, 1965.

8. Мусатаева М. Ш., Шеляховская Л. Я. Словообразовательный словарь тематических групп тюркизмов в русском языке. Ч. I – II. – Алма-Ата, 1991 – 1992.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 21-е изд. – М., 1989.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. – М., 1999.
11. Орешкина М. В. Тюркские слова в современном русском языке: Проблемы освоения. – М., 1994.
12. Орешкина М. В. Заимствования из языков народов СССР как производящая база русского словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. М-лы VI Респ. научн. конф. Ч. П. – Самарканд, 1991.
13. Русская грамматика. Т. I, П. – М., 1980.
14. Русский орфографический словарь / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 2-е изд. – М., 2005.
15. Скалич А. Словарь тюркизмов в сербскохорватском языке. – Сараево, 1979.
16. Тихонов А. Н. Словообразовательное гнездо как единица системы словообразования и как единица сравнительного изучения славянских языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков / Отв. ред. Г. П. Нещименко. – М., 1987.
17. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. Т. 1 – 2. – М., 1985.
18. Тихонов А. Н., Пардаев А. С. Роль гнезд однокоренных слов в системной организации русской лексики. – Ташкент, 1989.
19. Улуханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. – М., 2005.
20. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. – М., 1977.
21. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. – М., 1968.
22. Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата, 1976.
23. Nagórko A. Z problemów semantyki kontrastywnej // Z polskich studiów slawistycznych. Seria VIII. – Warszawa, 1992.

Примечания

*Исследование проводится в рамках проекта «Взаимодействие русского языка с тюркскими языками (на материале лексических заимствований)» по Программе фундаментальных исследований РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Омельченко Л. Ф., Паповяниц Э. Г., Самохина (Дмитренко) В. А. ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА

В современной лингвистике функционально-коммуникативный подход к исследованию языковых явлений получил большое распространение и характеризуется многоаспектностью, охватом единиц разных уровней языковой системы.

Реальное функционирование языка – это использование его в коммуникативной деятельности, в которой субъект речи выступает как организующий центр деятельности. При изучении функционально-коммуникативной функции языковых явлений центральным становится понятие речевой деятельности и речевого акта как ее минимального компонента.

Исследование функциональных свойств единиц языка *актуально* с нескольких точек зрения. Во-первых, в непосредственном восприятии нам дается не система языка, а речь, система же языка познается через анализ речи. Во-вторых, все изменения системы языка, какими бы медленными и постепенными они не были, начинаются именно в речи. В-третьих, в речи единица языка может приобретать свойства, отличные от ее свойств как элемента языковой системы, непредвиденных этой системой, поскольку они определяются не правилами языка, а внеязыковыми факторами – прагматическими, психологическими, социальными и др.

«Исследование функционирования языковых единиц позволяет рассматривать язык как диалектическое единство его структуры, строения и функционирования в роли средства коммуникации, без которого не могло бы существовать человеческое общество. В развитии такого подхода к языку и его изучению – теоретическое значение исследований функционирования свойств языковых единиц» [6: 138].

Функционализм определяется как магистральное направление современной лингвистики, способное интегрировать все положительные аспекты, которые можно увидеть в ряде существующих теоретических подходов" [1: 70].

О преимуществах функционального подхода пишет А. Н. Рудяков, который считает, что такой подход позволяет “получать достоверное знание, если не сводится к наблюдению над функционированием или к констатации коммуникативной предназначенности языка” [9: 226]. Далее А. Н. Рудяков отмечает: “Уже постановка вопроса о функциональном определении текста сама по себе достаточно необычна для “знакового” языкознания: в существующей парадигме любое обращение к исследованию текста есть показатель функциональности исследования и функционализма исследователя” [7: 305].

Главным постулатом функционально-коммуникативной лингвистики текста А. Э. Левицкий считает положение о том, что язык выступает инструментом, орудием, средством, механизмом для реализации человеком определенных намерений как в сфере познания действительности, так и в актах общения. [3: 122].

Для функционалистов в равной степени важен целый спектр стилевых и социальных функций, без апелляции к которым не могут быть описаны и объяснены функциональные свойства языка [4: 93].

Перспектива развития функционального направления связана с соотношением функций языка и его структуры, точнее, с возможностью прикрепления функций к формальному аппарату их выражения.

Подчеркивая функциональное назначение языка как средства человеческого общения, большинство лингвистов выделяют среди основных функций номинативную (познавательную-отражательную) и коммуникативную [5: 28].

Признавая взаимность этих двух функций языка, исследователи нередко расходятся во мнении о том, какая из них является ведущей. Одни считают, что «сущность языка состоит не в том, что он нечто обозначает, а в том, что он нечто сообщает, и так как одно без другого существовать не может, то определение языка по его основной и единственной функции – коммуникативной, заставляет относить номинацию к подчиненной стороне языкового механизма» [2: 22]. Другие ученые, рассматривая функцию словообразования как частное проявление функции языка, склонны считать, что «главная и первичная функция системы словообразования – номинативная» [10: 4], поскольку словообразование «обеспечивает в первую очередь потребности номинативной функции языка, закрепляя в словах результаты познавательной деятельности человеческого мышления...» [5: 4].